

*И. С. СЕНИЦИНА,
Н. А. ЧУДАКОВА*

Социально-экономическая трансформация Польши

Реформирование административно-распределительной экономики началось в России по сравнению с восточноевропейскими странами с двухлетним опозданием. Это делает для нас особенно интересным анализ их практики рыночных преобразований, дает возможность выявить общие сложности и закономерности и шанс научиться исправлять ошибки, используя опыт тех, кто идет впереди. Поэтому редакция в 1995 году начала серию публикаций, посвященную ходу рыночной трансформации экономик в странах Восточной Европы. Ее открыли статьи о ситуации в Болгарии (№4) и Румынии (№ 5). Публикуемая ниже статья продолжает начатую серию.

Системные преобразования в Польше сопровождались началом реализации монетарно-финансовой политики, которая на пике жесткости (в 1990 году) получила название «шоковая терапия»¹. Резкое ограничение суммарного народнохозяйственного и потребительского спроса позволило в течение месяца ликвидировать гиперинфляцию и в последующие два месяца выйти на одноцифровой показатель роста цен. Именно такая быстрота достижения результатов и создала благоприятные предпосылки для дальнейшего проведения реформ. Сохранение уже в течение пяти лет основных элементов достаточно жесткой монетарно-финансовой политики позволяет удерживать инфляционные процессы в относительно безопасных (не разрушающих экономику) пределах.

Собственно «шок» был связан прежде всего с либерализацией цен и с ликвидацией дотаций, а также дешевых и льготных кредитов. (Процентные ставки по кредитам с 1 января 1990 года остаются в Польше положительными, т. е. превышают уровень инфляции.) Несомненно, ценовой шок одномоментно (конец 1989—начало 1990 года) сблизил народнохозяйственный спрос и объем предложения. А удержать на начальном этапе реформ сбалансированность спроса и предложения в кризисной экономике, как показал польский опыт, можно с помощью мер жесткой монетарно-финансовой политики².

¹ Подробнее о содержании политики «шоковая терапия» см., например, [1].

² В отличие от Польши, в России за ценовым «шоком» не последовала «терапия», что свело на нет результаты «шока», так как в Польше ограничение платежеспособного спроса имело шоковый характер не только для населения, но прежде всего для предприятий.

Сеницина Ирина Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН. Специалист по проблемам польской экономики.

Чудакова Наталия Алексеевна — старший научный сотрудник ИМЭПИ РАН, специалист по вопросам социально-экономического развития Польши.

Такая политика выполнила свою основную задачу — создала предпосылки для широкого развития рыночных отношений. Основными ее целями были обеспечение относительной народнохозяйственной сбалансированности и стабилизация экономического положения. Со всей определенностью можно констатировать, что эти две глобальные цели в течение пяти лет в Польше достигнуты. Однако прочность и устойчивость стабилизации зависят от целого ряда внутренних и внешних факторов, на первое место среди которых выдвигается необходимость интенсификации инвестиционных процессов. Дальнейшее развитие, видимо, невозможно без нового концептуального подхода, новой экономической политики, обеспечивающей экономический рост.

Несомненно, одним из ведущих факторов преодоления экономического кризиса стало наличие политической воли к осуществлению глубоких социально-экономических реформ, проявляющейся в первую очередь в преемственности экономической политики практически ежегодно сменяющихся кабинетов министров. Иначе говоря, Польша приближается к западным демократиям в том смысле, что смена правительства уже не означает радикальных поворотов в реализуемой экономической политике, хотя определенные тактические изменения имеют место.

Предваряя анализ экономического положения, заметим, что в последнее время в Польше появилась тенденция откровенного приукрашивания статистических данных, что связывается с президентской избирательной кампанией. Его масштаб вызывает большие сомнения в достоверности официальной статистической информации. Обращает на себя внимание прежде всего неожиданное изменение базы для сравнения: вместо показателей 1989 года в польской печати стали использовать данные 1990 года. Это не только сужает временные рамки реформенного периода, но и, по сути, занижает базу сравнения, исключая «провальный» (1990) год и тем самым искусственно преувеличивая темпы развития. Например, сравнение с 1990 годом дает возможность говорить о росте в 1994 году валового национального продукта (ВНП) на 4%, промышленного производства — на 8,8%, объема капитальных вложений — на 9,8%. Сопоставление же итогов 1994 года с 1989 годом дает иную картину: ВНП в 1994 году был на 8,1 % ниже, чем в 1989 году, промышленное производство — ниже на 15,3%, объем капиталовложений — ниже на 2,3%. Такие скорректированные в сторону повышения временные ряды можно проследить практически по всем показателям. А их использование приводит к искажению реальной картины сложнейших социально-экономических процессов, связанных в первую очередь с системной трансформацией. Поэтому статистические оценки Центрального управления планирования (ЦУП), различных экономических институтов, ведущих польских экономистов, да и самого Государственного управления статистики (ГУ С), приводимые в периодической печати, сильно отличаются от данных ежегодных сообщений ГУС и издаваемых им статистических справочников. Более того, каждый последующий статистический ежегодник рисует более оптимистичную картину, чем предыдущий.

Тем не менее данные свидетельствуют, что Польша, одной из первых среди восточноевропейских стран вступив на путь системных преобразований, также оказалась среди первых, начавших пожинать плоды происходящей рыночной трансформации. Однако, по нашему мнению, не подвергая сомнению впечатляющие достижения Польши на пути к рыночной экономике, следует осторожно относиться к количественным показателям экономического роста (получившим широкий резонанс в российской и зарубежной печати), поскольку реальная картина значительно сложнее.

Основной вопрос, возникающий даже при беглом ознакомлении с итогами социально-экономического развития страны, — об источниках экономического роста. Ответ на него представляет большой интерес не только для понимания сегодняшней польской ситуации, но и для аналитиков, изучающих положение дел в России.

Несмотря на непродолжительность периода реформирования в Польше, с точки зрения источников экономического роста можно выделить два этапа. В 1992—1993 годах мотором экономического роста были потребление и динамическое развитие частного сектора³. В эти годы потребление росло быстрее, чем ВВП: по данным главы Национального банка Польши (НБП) Х. Гронкевич-Вальтц, в 1992 году потребление возросло более, чем на 5%, а ВВП — на 1,5%, в 1993 году, соответственно, на 4,6% и 3,8% [2].

Возникает вопрос: каким образом в условиях реализации жесткой денежной политики и твердого контроля за денежными доходами и заработной платой населения растет производственное и индивидуальное потребление, превращаясь в фактор роста производства? Жесткая монетарно-финансовая политика, сохраняющая свои основные черты уже в течение шести лет, претерпевала тем не менее определенные изменения, выразившиеся в основном в периодическом смягчении или ужесточении отдельных ее элементов.

Попытку использовать расширение спроса для приостановки катастрофического спада промышленного производства впервые предприняли еще в середине 1990 года, когда была несколько смягчена политика банковского процента и ужесточена таможенная политика. Однако последовавший практически мгновенно за этими мерами всплеск инфляции продемонстрировал их преждевременность и заставил от них отказаться. Неоднократные модификации политики в 1991—1993 годах хотя и были очень мягкими, осторожными и не всегда заметными для населения, обусловили довольно заметное расширение народнохозяйственного и потребительского спроса, зеркальным отражением которого является потребление.

Внешняя и внутренняя либерализация в условиях достижения определенного минимума макроэкономической стабилизации вызвала взрыв частного предпринимательства, что стало одним из факторов преодоления экономического спада. После 1989 года лица, ведущие свое дело, получили неповторимый шанс быстрого накопления капитала, созданный поддержанием постоянного курса доллара (с января 1990 по май 1991 года государство удерживало соотношение 9500 злотых за 1 долл.) и неформальной приватизацией. К ним добавились те, для кого первоначальное накопление стало возможным вследствие различных афер (рублевой, алкогольной и т. п.). Но в большинстве своем эти шансы не были использованы. Опьяненные легкими деньгами, «новые предприниматели» хаотично бросались в разные предприятия, создавая иногда по несколько десятков фирм во всевозможных сферах и при этом совершенно явно избегая промышленности. Правда, подобные фирмы были, как правило, связаны между собой лишь капиталом и создавались не с целью оптимизации бизнеса, а, скорее, для усложнения финансово-экономических структур, укрывания доходов от налоговых служб, кредиторов и т. д. Не обладая необходимыми навыками предпринимательства, большинство таких бизнесменов быстро увязли во всевозможных проблемах настолько, что даже глава НБП назвала рейтинг наиболее богатых поляков рейтингом самых крупных (и безнадежных) должников.

Стихийное формирование частного сектора, стимулируемое во многом все еще существующей возможностью легкого получения сверхприбылей, определяет низкую пока эффективность его структурных параметров. Польский частный сектор отличают, в частности, высокая степень раздробленности (доминируют микропредприятия), низкая капитализация фирм, слабое участие полноценных акционерных обществ и пока мало ощутимое присутствие в промышленности.

В Польше, так же как и в России, до начала реформ существовало несколько упрощенное представление, что частная собственность и частный сектор, раз

³ Польский частный сектор сегодня очень неоднороден, поскольку в него включается как традиционно существовавший здесь частный сектор (в сфере розничной торговли и услуг), так и новый - формирующийся в процессе приватизации. Кроме того, включение сюда и государственных акционерных предприятий заметно деформирует картину.

возникнув, автоматически решат проблемы эффективности и рационализации экономической и производственной структур. Поначалу экспансия частного сектора, особенно в сфере насыщения потребительского рынка и расширения масштаба услуг, была очень высокой. Только в течение 1990 года доля частного сектора в численности занятых вне сельского хозяйства возросла с 12% до 15,7%, в объеме розничной торговли — с 59,5% до 63,7%, в объеме строительно-монтажных работ — с 29% до 35%, в стоимости транспортных услуг — с 6,8% до 9,9%.

В 1990 году частный сектор стал единственной динамично развивающейся сферой материального производства и сыграл роль своеобразного амортизатора спада в государственном секторе экономики Польши, составлявшего 24,2%. Таковым он оставался в течение следующих трех лет. Доля частного сектора в строительстве увеличилась за эти годы до 85,5%, в торговле — до 87,8%, а в числе занятых вне сельского хозяйства возросла до 46,2%. Однако уже в 1994 году оказались практически исчерпанными возможности экстенсивного развития частного сектора, базирующиеся на его низкой капиталоемкости (что позволяло легко начать дело и перемещать бизнес из одной сферы в другую), а также на наличии многочисленных рыночных ниш и на неэквивалентном перемещении ресурсов из государственного сектора (неформальная приватизация). Если в 1990 году число предприятий, ведущихся физическими лицами, возросло на 39,6%, в 1991 — на 25,1 %, то в 1992 году «всего» на 14,8%, в 1993 — на 9,4%, а в 1994 году — на 5,4%. Причем сферы экономики, где частный сектор уже доминирует и где господствует сильная конкуренция (торговля, транспорт, строительство), характеризовались в 1994 году значительно меньшим ростом, чем стимулируемая экспортом промышленность, остающаяся главным образом государственной. Положение в частном секторе относительно ухудшалось и в 1995 году вследствие острой конкуренции на рынках труда (а частично и на рынках товаров) со стороны субсидируемого оздоравливаемого и использующего оживление на Западе государственного сектора.

Социально-экономические условия формирования и функционирования частного сектора в сочетании с высоким налогообложением и жесткой в целом финансовой политикой ограничивают его рентабельность и нередко буквально «заталкивают» его в теневую экономику. Причем характер теневой экономики в условиях рыночной трансформации принципиально меняется. Теперь она развивается не потому, что существуют запрещенные виды деятельности, а потому, что благодаря ей появляется возможность избежать финансового контроля государства, и в первую очередь не платить налогов. Однако при этом теневое производство расширяет народнохозяйственный спрос, а доходы от его деятельности увеличивают платежеспособный потребительский спрос. Таким образом, теневая экономика на начальном этапе рыночных преобразований, увеличивая потребление, по образному выражению Х. Гронкевич-Вальтц, «раскручивала» конъюнктуру [2].

О степени воздействия теневой экономики на экономику легальную можно судить на основании следующих данных. Необлагаемые налогом доходы составляют ежемесячно, по оценке, более 1,3 млрд новых злотых, или 16,6 млрд ежегодно, что эквивалентно 8,1 % ВВП в 1994 году. Доля всей теневой экономики в ВВП, по оценкам Института исследований рыночного хозяйства, составляет около 20%. По оценке ГУС, в 1994 году в теневой экономике работало 5—7,5% всех занятых, и это число продолжает увеличиваться [3]. По опросам, в частном секторе каждый пятый занятый работает нелегально, и почти треть всего фонда заработной платы здесь также выплачивается нелегально. Дополнительно подрабатывают около 4 млн поляков, из них легально — лишь 2,5 миллиона. Нелегально работают и около 150 тыс. иностранцев. По расчетам Института исследований рыночного хозяйства, с нелегальной занятостью связано почти 30% взрослого населения Польши [4].

Функционирование частного сектора в значительной степени в сфере теневой экономики в первые годы реформ имело, как мы пытались показать и как считают

владельцы частных польских фирм, и свои плюсы. 57,6% опрошенных владельцев считают, что нелегальный труд, позволяя наращивать капитал, способствует развитию их фирм и, следовательно, в нынешней экономической ситуации играет позитивную роль. 75,7% опрошенных заявили, что нелегальная работа связана с созданием значительного числа новых рабочих мест, которые из-за отсутствия капитала и высокого уровня финансовых платежей легально возникнуть не могут [4]. Однако сегодня теневые элементы в деятельности частного сектора постепенно становятся фактором, препятствующим его консолидации и быстрому развитию, основанному на официальной финансовой системе. Это обусловлено в первую очередь тем, что именно теневые элементы консервируют нерациональность структуры частного сектора, его технико-технологическую неразвитость, препятствуют органическому взаимодействию со всеми звеньями народнохозяйственной системы.

Факторы, обеспечившие стабилизацию экономического положения и последующий рост, выделены здесь достаточно условно, поскольку они действуют не изолированно, а в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, определяя в целом весь комплекс социально-экономической политики. Однако, составляя ее фундамент, они дополняются и вступают во взаимодействие с рядом других факторов (которые на отдельных этапах развития могут становиться ведущими, а могут и отходить на второй план). Для Польши, особенно на первом этапе реформирования, это такие факторы, как социально-психологический, сбалансированность потребительского рынка, элементарное наведение порядка, в том числе и в сфере занятости, обеспечение в кратчайшие сроки финансовой стабилизации и преодоление гиперинфляции, укрепление национальной валюты и введение внутренней конвертируемости злотого, переориентация на Запад внешнеэкономических связей, а также тот факт, что польские предприятия в силу ряда причин довольно быстро начали приспособливаться к новым условиям хозяйствования и оказались достаточно восприимчивыми к новой экономической политике.

Далеко не полное перечисление факторов, формирующих экономическое положение Польши, уже само по себе свидетельствует о сложности происходящих процессов, о подвижности и изменчивости внутренних взаимозависимостей, вследствие чего меняется и роль отдельных факторов роста. С этой точки зрения, 1994 год открыл качественно новый этап развития. Речь идет прежде всего о наметившейся интенсификации экономического роста.

Потребление в 1994 году росло медленнее, чем ВВП (соответственно, 3,0% и 5,0%). Зато быстрее росли инвестиции (8,0%) и экспорт (20,5%). Это отодвинуло потребление как фактор экономического роста на второй план. На первый план выдвинулись капиталовложения и экспорт. Они и стали мотором экономического роста. Уже в 1993 году наметился определенный прогресс в сфере капиталовложений: затраты на закупки машин и оборудования возросли примерно на 10% при одновременном сокращении затрат на строительно-монтажные работы. Эта тенденция сохранилась и в 1994 году. Кроме того, наблюдался рост объемов инвестиционной деятельности по количеству начатых объектов и их сметной стоимости.

Следует отметить, что фактические размеры капиталовложений были в 1994 году даже больше, чем показывает официальная статистика. Это относится в первую очередь к частному сектору, в котором часть инвестиционных расходов проводится по статье капитальных ремонтов и включается в текущие издержки производственной деятельности. Продолжает улучшаться структура капиталовложений: в 1994 году затраты на машины и оборудование возросли примерно на 14%, а на строительно-монтажные работы остались на уровне 1993 года. Инвестиции частного сектора в сопоставимых ценах увеличились на 27%, а без учета жилищного строительства — на 47%. Свыше 60% всех капиталовложений пришлось на промышленность, причем особенно динамично инвестировались производство стекольных изделий, керамика, цемент, кирпич, мебель, метал-

лоизделия, машины и оборудование (в том числе для металлургии и производства сельскохозяйственной техники), транспортные средства (в том числе мотоциклы, велосипеды, локомотивы и т. д.), издательское и полиграфическое дело.

Это тем более важно, что к началу реформ была, по сути, подорвана производственная база страны. Глубокий спад промышленного производства в 1989—1991 годах протекал на фоне крайне неблагоприятных тенденций в технико-технологической базе производства. В первую очередь это относится к состоянию основных производственных фондов: 30% машин и оборудования оказались полностью изношенными и лишь 15—20% проработало к тому времени менее 5 лет.

Производственный аппарат не только устарел, но его структура не отвечает потребностям рынка. По оценке ГУС, структура польских основных фондов близка к состоянию на начало 70-х годов, а потому не адекватна нынешним экономическим условиям. Лишь 40% этих средств работает в отраслях, производящих продукцию с высокой степенью переработки. В этих условиях трехлетний (1989—1991 годов) спад инвестирования был сигналом опасного сужения базы развития в ближайшей и отдаленной перспективе. Кроме того, в 1990—1991 годах произошло резкое снижение степени использования основных производственных фондов (по некоторым отраслям это снижение превышало 50%). Проблемы в сфере капиталовложений, следовательно, не сводятся лишь к недостаточному объему и несовершенству их структуры. На первое место выдвигаются вопросы технико-технологического уровня основных фондов и нарастающего отставания в данной сфере от Запада. Это может стать тем фактором, который уже в ближайшее время предопределил новое сползание к стагнации.

Данные свидетельствуют, что мероприятия, связанные с внедрением научно-технического прогресса, чаще проводятся в государственном секторе несмотря на то, что капиталовложения динамичнее развиваются в частном. Мероприятие, связанные с совершенствованием технологии (производственные инновации), составляли лишь около 20% всех инноваций, причем внедрялись они в основном крупными предприятиями государственного сектора, а около 55% всех инноваций составляют новые или модернизированные изделия, в том числе 43,1% — товары, новые не для польского рынка, а для данного предприятия, 34,3% представляют модернизированные изделия (причем степень их модернизации не известна, но, скорее, сомнительна). Только 22,6% модернизируемых предприятий осуществляют переход к работе на импортной технике и с использованием зарубежных технологий. Отметим также, что в отраслевой структуре капиталовложений продолжается снижение инвестирования в такие ведущие с точки зрения технического прогресса отрасли, как точное машиностроение, электроника и электротехника и т. п. Это свидетельствует о том, что годы трансформации не были в достаточной степени использованы для модернизации промышленности. Следовательно, состояние производственной базы все еще остается фактором, создающие потенциальную возможность для воспроизводства экономического кризиса.

Неблагоприятной с учетом состояния экономики в целом и производства в частности остается структура инвестиционных расходов государственного бюджета: из них только по 6,2% приходится на промышленность и сельское хозяйство, 6,6% — на транспорт, 17,8% — на коммунальное хозяйство, 16,4% — на здравоохранение, 12,8% — на воспитание и образование и 6,2% (как и на промышленность!) — на государственную администрацию. Тем не менее об определенном оживлении свидетельствует увеличение числа инвестиционных объектов, финансируемых централизованно (из бюджета): с 51 в 1992 году до 109 в 1993 году, причем 40% их стоимости приходится на энергетику.

Оценивая положение в сфере капиталовложений с точки зрения экономического роста, следует подчеркнуть следующее. Во-первых, стабилизация в сфере капиталовложений в 1992 году и оживление в 1993—1994 годах имели одним из самых важных последствий заметное повышение степени использования производственных мощностей. Анкетирование, проведенное в августе—сентябре 1994 года на 132 промышленных, строительных и торговых предприятиях, свиде-

тельствует, что почти для двух третей из них спрос на продукцию был близок (или даже превышал) производственным возможностям [2]. Это неизбежно должно было привести (и судя по росту производства — привело) к более эффективному использованию имеющихся основных фондов. Во-вторых, отмечаемый уже в течение более трех лет рост капиталовложений все еще являлся недостаточен для преодоления застойных явлений в производственной и технологической структуре, сохраняющей многие черты отсталости, неэффективности и нерациональности.

Появились определенные признаки начинающейся рационализации структуры экономики. Капитал постепенно «расстается» с тяжелой промышленностью и перетекает в легкую промышленность, связь и торговлю. Кроме того, увеличение инвестиций отчасти связано с увеличением импорта. На начальном этапе он был призван восполнить потребительское отставание, однако с 1993 года на первое место выдвигается его обеспечивающая роль, т. е. инвестиционный импорт. Вопреки мнению польских защитников «национальных интересов» доля потребительских товаров в импорте составляет чуть более 20%, в то время как более 60% импорта приходится на полупродукты и полуфабрикаты, например на энергоносители, появление которых сказывается на повышении конкурентоспособности и производительности польской экономики.

Для периода инвестиционного оживления характерно изменение источников финансирования. Снижается доля государственных средств в финансировании капиталовложений: в 1989 году на инвестиционные цели было предназначено 9,5% расходов государственного бюджета, а в 1993 году только 4,8%. Возрастает роль банковского кредита в финансировании инвестиционной деятельности предприятий: в 1994 году его доля реально выросла на 3%, что несомненно способствовало инвестиционному оживлению. И происходило это при незначительном движении процентной нормы Национального банка Польши. Такая ситуация стала возможной благодаря высокой эластичности политики процентных ставок по кредитам коммерческих банков. Однако главное здесь — постепенное, но заметное улучшение финансового положения предприятий, что позволяет им расширять собственную инвестиционную деятельность. Так, на 58% крупных предприятий за 11 месяцев 1994 года чистая прибыль была примерно на 36% больше, чем за аналогичный период 1993 года при росте цен на инвестиционные товары примерно на 24% [5].

Определенную дополняющую роль в финансировании капиталовложений и материальном наполнении этого процесса играют иностранные кредиты и прямые инвестиции. За пять лет (1989—1994) иностранные капиталовложения составили 4,4 млрд долл., что ставит Польшу на второе-третье место среди стран Центральной и Восточной Европы. Однако в последние годы наблюдается своеобразное «затухание» процесса освоения иностранных кредитов: в 1993 году они составили 1,6 млрд долл., а в 1994 году — 1,3 млрд долл. Программа же социально-экономического развития Польши 1994—1997 годов исходит из того, что ежегодные иностранные капиталовложения должны составлять как минимум 2 млрд долл. Заявленный объем возможных иностранных инвестиций (5,1 млрд долл.) в принципе позволил бы выйти на запланированный уровень, однако общеэкономическое и технико-технологическое состояние производственной базы не позволяют абсорбировать иностранный капитал в желаемых масштабах. Довольно значительным в последнее время стал прилив капитала за счет приграничной торговли, т. е. за счет нерегистрируемого экспорта. По некоторым оценкам, его объем достигает 20% регистрируемого экспорта [5]. В этом, в частности, состоит специфика экономики, находящейся в процессе трансформации: «неофициальные» поступления валюты расширяют внутренние инвестиционные возможности. В целом за годы реформы доля капиталовложений колебалась вокруг 21% ВВП. Потребности модернизации производства и технологий предполагают, по оценке Центрального управления планирования Республики Польша, поддержание доли инвестиций в ВВП на уровне 27—28%. Польский (как и российский)

опыт развития свидетельствует, что поддержание капиталовложений на таком уровне требует напряжения всех сил страны. Оно вряд ли возможно, если учесть, что пока не обеспечен стабильный рост польской экономики.

Вторым фактором экономического роста в 1994 году стали внешнеэкономические связи, точнее, возросший внешний спрос на польскую продукцию, обусловленный оживлением в мировой экономике, что через рост экспорта (120,5%) стимулировало рост производства и инвестиций, причем в первую очередь в государственном секторе⁴. Судя по всему, этот фактор будет действовать по крайней мере в ближайшем будущем. Однако, по оценкам некоторых экономистов, независимо от конъюнктуры на Западе на динамику польского экспорта будет негативно влиять рост внутренних издержек производства, обусловленный как ростом заработной платы, контроль за которой ограничен, так и увеличением бюджетных отчислений с предприятий. Серьезной проблемой остается конкурентоспособность польской продукции на внешних рынках. Необходимость ее повышения требует увеличения расходов на модернизацию производственного аппарата. Именно с этим связана ограниченность воздействия внешнеэкономических связей на процессы стабилизации и ускорения народнохозяйственного роста.

Итак, пять лет последовательного реформирования польской экономической системы принесли беспрецедентные по сравнению с другими странами результаты (как количественные, так и качественные). Однако нынешний экономический рост не является устойчивым, поскольку глубинные причины кризиса до конца еще не преодолены. В частности, сохраняется нерациональность народнохозяйственной структуры, низка эффективность как промышленного, так и — особенно — сельскохозяйственного производства, сохраняется, а по ряду направлений и углубляется, технико-технологическое отставание от Запада, несоизмерима с западной и производительность труда, не соответствует народнохозяйственному потенциалу доля Польши в международном разделении труда.

Одним из важных с точки зрения инфляционной угрозы моментов являются проблемы бюджетного дефицита. Так, в 1994 году дефицит государственного бюджета был примерно на 29% меньше, чем планировалось. Однако при этом почти на 9% (причем несмотря на списание задолженности Лондонскому клубу) возросла общая сумма внешней и внутренней задолженности государства. Проценты по ней в 1995 году составили более 17% расходной части бюджета.

Модификации денежно-кредитной и финансовой политики в 1991—1994 годах, несомненно, носили проинфляционный характер, поскольку были ориентированы на увеличение совокупного спроса. Следует подчеркнуть, что удалось сохранить управляемость сферы ценообразования. Это существенно не только с точки зрения социальных последствий широкой либерализации потребительских цен, но и в плане регулирования цен на товары материально-технического обеспечения производства. Таким образом, государство все еще сохраняет действенную возможность оказывать влияние на всю систему внутренних цен. В сохранении за ним этой функции есть свои плюсы и минусы. В Польше такие меры однозначно стали фактором сдерживания инфляции, хотя, возможно, и несколько замедлили рыночные преобразования.

Следовательно, остается реальной возможность нового витка гиперинфляции, что превращает инфляцию в главную опасность и одновременно в главный барьер дальнейшего развития польской экономики, где продолжают действовать

⁴ Это ни в коей мере не означает, что решена проблема рыночной перестройки системы внешнеэкономических связей Польши. Так, сохраняется высокий торговый дефицит за счет существенного превышения абсолютных объемов импорта над экспортом. Далека от решения проблема включения польской экономики в ЕС, прежде всего через организацию эффективных экспортных потоков. Динамизм развитию экспортных отраслей могло бы придать разрешение проблемы торговли с бывшими республиками Советского Союза, особенно с Россией, Украиной и Белоруссией.

инфляциогенные факторы долгосрочного характера, напрямую не связанные с использованием инструментов и методов монетарно-финансовой политики. Преодоление инфляционных процессов, вызванных этими факторами, связано с постепенным и последовательным совершенствованием всего народнохозяйственного комплекса и дальнейшей перестройкой экономической системы в целом.

Как известно, в Польше инфляция, порожаемая факторами краткосрочного характера, достаточно успешно преодолевалась и преодолевается с помощью жесткой денежно-кредитной политики, а на первом этапе благодаря «шоковой терапии». Бросающееся в глаза сегодняшнее несоответствие между основными производственно-экономическими показателями и уровнем инфляции объясняется, на наш взгляд, не столько невозможностью выдержать уровень инфляции, заложенный в законах о государственном бюджете на 1994 и 1995 годы (так, в 1994 году превышение по сравнению с законом составляет около 9 процентных пунктов), сколько требованиями текущей экономической политики. Последняя была направлена на активизацию производства и капиталовложений, а также на динамизацию экспорта. В качестве инструмента здесь было выбрано некоторое смягчение денежно-кредитной политики, с помощью которого предполагалось прийти к расширению внутреннего народнохозяйственного спроса и способствовать удовлетворению возросшего в 1994 году внешнего спроса на польскую продукцию. Эти цели в основном реализовать удалось, однако ценой превышения уровня инфляции.

Главными причинами относительно малого прогресса в снижении инфляции в последние годы являются, с одной стороны, сохраняющийся высокий бюджетный дефицит и все еще высокая доля Национального банка Польши в его финансировании, а с другой — ослабление контроля за заработной платой в государственном секторе. Увеличение номинальной заработной платы, вызванное отменой в середине 1994 года налога на ее сверхнормативный рост, обусловило ускорение инфляции и прежде всего рост цен на продовольствие. Кроме того, как отмечал глава консервативной коалиции в Сейме К. Уяздовский, «более высокая, чем планировалось, инфляция — следствие протекционистской политики кабинета Павляка. Мы имеем здесь дело с особо опасным явлением. Интересы узких групп производителей или иностранных концернов правительство ставит выше интересов польского потребителя, вынужденного покупать более дорогие товары, товары худшего качества или прямо субсидировать предприятия» [6].

Механизм развития инфляционных процессов в Польше в большой степени имеет инерционный и самовоспроизводящийся характер, в основе которого лежат влияние роста цен на рост заработной платы в государственном секторе, темпы девальвации злотого и номинальные процентные ставки по банковским кредитам. Реакция этих переменных на рост цен зависит от инфляционных ожиданий, одной из мер уменьшения которых является снижение темпов девальвации злотого.

В программе преодоления инфляции с самого начала большое место занимала проблематика валютного курса и внутренней конвертируемости злотого. В Польше была использована модель фиксированного валютного курса, хотя механизм фиксации на протяжении всего периода менялся. Фиксированный валютный курс вводился одновременно с реализацией жестких антиинфляционных мер (и по времени почти совпал с преодолением гиперинфляции и выходом на среднемесячный одноцифровой уровень роста цен) и установлением высокого положительного процента по сберегательным вкладам населения в национальной валюте. В результате сложилась следующая ситуация: в 1990 году при постоянном валютном курсе внутренние цены выросли на 617,8%, в 1991 году при снижении курса злотого на 15% цены выросли на 71,1%, в 1992 году, соответственно, указанные показатели изменились на 44% и 42,4%, в 1993 — на 35,4% и 35,3%, а в 1994 году — на 12% и 32,2%. Эти меры стимулировали «бегство» от доллара и повышали привлекательность национальной валюты.

С мая 1991 года Национальный банк Польши перешел к так называемому плавающему курсу, устанавливаемому ежемесячно к корзине из основных

мировых валют. Вслед за оздоровлением экономической ситуации Национальный банк, учитывая потребности экономической политики, например необходимость увеличения или уменьшения валютных резервов, устанавливает коэффициент девальвации и определяет период его действия. Интересно отметить, что коэффициент девальвации злота оказался настолько действенным экономическим инструментом, что его уровень и любое предполагаемое изменение вызывают бурные дискуссии в печати и становятся предметом острых разногласий между, например, Министерством финансов и Национальным банком Польши. Так, на решение о снижении коэффициента с 1,4% в конце 1994 года до 1,2% в 1995 году остро негативно отреагировало Министерство внешнеэкономических связей, опубликовав коммюнике об угрозе снижения польского экспорта и тем самым уменьшения доли польских товаров и услуг на зарубежных рынках.

Запаздывание со снижением коэффициента девальвации, явившееся достаточно серьезным просчетом Национального банка Польши, обусловило в 1994 году заметный рост валютных резервов нетто (до 11,3 млрд долл. против 8,8 млрд долл. в 1993 году, причем законом о государственном бюджете на 1994 год предусматривалось снижение валютных резервов на 250 млрд долл.). Сверхнормативный рост валютных резервов способствует, по оценке польских экономистов, ускорению инфляции. В Министерстве финансов Польши считают, что 6—7 процентных пункта инфляции в 1994 году — следствие чрезмерного роста валютных резервов [7]. Более того, чисто экономический инструмент — коэффициент девальвации внутренней валюты — в условиях усиливающейся борьбы в рамках предвыборной кампании приобретает политическую окраску и используется как аргумент в дискуссии с оппозицией.

Из сказанного следует, что главным инструментом в борьбе с инфляцией в Польше остается денежная политика в целом. Основным ее направлением с самого начала было не краткосрочное стимулирование валового спроса, а создание здоровых основ для долгосрочного роста через замедление инфляционных процессов. Причем можно утверждать, что Национальный банк Польши сохраняет в своих руках основные рычаги регулирования денежной массы в стране, в том числе уровень ставки нефинансового кредита, уровень обязательных резервов, политику валютного курса, в меньшей степени контролируются операции на рынке ценных бумаг.

В связи с антиинфляционной направленностью политики «шоковой терапии» и монетарно-финансовой политики в целом мы отмечали, что роль государства в Польше возрастает как в сфере борьбы с инфляцией, так и по другим направлениям преобразований. Это происходит под давлением объективных обстоятельств, порожденных необходимостью противодействия стихийным дезинтеграционным процессам.

Здесь хотелось бы подчеркнуть важную особенность польских реформ. Хотя с самого их начала провозглашались идея выведения государства из экономической сферы и надежда на саморегулирующийся рынок, на практике вопреки декларациям основные экономические рычаги остались в руках государства. Только теперь такими рычагами стали деньги, кредиты, процентные ставки и т. п. Именно государство при отсутствии саморегулирующегося рынка взяло на себя решающую роль в «спасении» экономики, гибко применяя имеющийся в его распоряжении набор рычагов.

Судя по всему, это справедливо и для других стран, осуществляющих системную трансформацию. Высокая роль государства обусловлена, во-первых, длительным периодом сохранения господствующего положения государственного сектора в экономике. Во-вторых, если мы хотим относительно быстро и цивилизованно пройти период первоначального накопления капитала и формирования эффективной системы рыночных отношений, то сильная регулирующая роль государства становится объективно необходимой. То есть поскольку формирование нового общества происходит сознательно и целенаправленно,

**Основные показатели социально-экономического развития Польши в 1990—1994 годах
(в % к предшествующему году)**

Показатели	Годы					1994 г. в % к 1990 г.
	1990	1991	1992	1993	1994	
Валовой национальный продукт (ВВП)	88,4	93,0	102,6	103,8	105,0	104,0
Промышленное производство	77,9	88,1	103,9	106,2	111,9	108,8
Сельскохозяйственное производство	97,8	98,4	87,2	101,5	около 90,0	около 78,0
Объем капитальных вложений	89,9	95,6	102,3	102,9	108,0	109,0
Среднемесячная номинальная заработная плата	498,0	170,6	139,2	130,5	136,3	—
Индекс потребительских цен	658,4	170,3	143,0	135,3	132,2	—
Реальная заработная плата	75,6	99,7	97,3	97,1	101,7	95,8

субъектом этого формирования может быть лишь государство. При этом, несомненно, должны измениться не только его функции, но и организационно-институциональные формы.

Однако независимые экономисты в Польше отмечают определенный регресс в процессе реформирования государства как такового в 1994 году. Поводом для беспокойства, в том числе и международных финансовых организаций, является усиление перераспределительной роли государственного бюджета. Ее нарастание подпитывает неуверенность отечественных производителей и западных инвесторов и подталкивает их к действиям, не соответствующим логике финансовой дисциплины. С этим также связано бессмысленное оттягивание реформы пенсионной системы и системы здравоохранения. Крепнущие лобби производителей заставляют расширять масштабы защиты внутреннего рынка, что, в свою очередь, подталкивает инфляцию.

Основная вина за сдерживание децентрализации государства возлагается на правящую коалицию. Думается, однако, искать причины такого положения надо гораздо глубже. Учитывая, что аналогичные проблемы даже в более острой форме встают перед всеми государствами, вступившими на путь постсоциалистического реформирования, естественно предположить их обусловленность самой сутью происходящих процессов. И возможности их разрешения, как представляется, зависят не столько от субъективных экономико-политических решений, сколько от степени подлинной трансформации экономики.

В этом смысле российские реформаторы вполне могут извлечь из опыта преобразования польской экономики как положительные, так и отрицательные уроки и учитывать их в своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матыцин С., Синицина И., Чудакова Н. Экономическая политика переходного периода в Польше // Вопросы экономики. 1992. № 3.
2. Zycie Gospodarcze. 1994. № 52. S. 8, 9.
3. Rzeczpospolita. 1995. 3 luty.
4. Rzeczpospolita. 1995. 17 luty.
5. Zycie Gospodarcze. 1995. № 6. S. 8.
6. Zycie Gospodarcze. 1995. № 4. S. 44.
7. Rzeczpospolita. 1995. 14 luty.